

А.Н. Ямсков

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СПЕЦКУРСА «ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ»

С 2009-2010 учебного года автор читает спецкурс «Экологическая антропология» магистрантам первого года, обучающимся по специальности «Экологическое образование» в Институте естественных наук МГПУ. Большинство из них уже получило высшее географическое образование, часть – биологическое. Этот спецкурс прежде всего призван расширить экологические и этнографические (культурно-антропологические) познания магистрантов, способствуя тем самым решению приоритетных задач отечественного географического университетского образования – его экологизации и усилению социально-гуманитарной составляющей. Однако данный спецкурс позволяет также заметно углубить знания будущих магистров в области физической и социально-экономической географии, одновременно фокусируя их внимание на наличие глубинных связей между обеими ветвями географии. Именно об этой, географической составляющей спецкурса пойдёт речь ниже.

Спецкурс читается по многократно переиздававшемуся в США учебнику Эмилио Морана [7], одного из ведущих экологов-антропологов современности, который является профессором антропологии, профессором наук об окружающей среде и адъюнкт-профессором географии в Университете штата Индиана в городе Блумингтоне. В дополнение к материалам этого учебника, более подробно рассматриваются история развития и методология ведущих направлений эколого-антропологических исследований в США [1] и особенности функционирования различных типов «экосистем, включающих человеческие сообщества» – “human ecosystems” [5; 6], т.е. по отечественной терминологии – «этноэкосистем» [4]. Естественно, по возможности часто проводятся параллели между американской экологической антропологией и её отечественным аналогом – этноэкологией [3; 4].

В основе экологической антропологии лежит изучение вещественно-энергетических связей конкретных местных сообществ с другими компонентами локальной (микрорегиональной) экосистемы. Эти связи определяются особенностями традиционной культуры – присущей ей системы расселения и хозяйственной деятельности, особенностей питания, одежды, жилища, используемых видов топлива и т.п. Таким образом, в центре внимания исследователя оказываются процессы и результаты культурной адаптации в сфере хозяйства, материальной культуры и социальной организации, например, отдельной территориальной группы бродячих охотников-собирателей или селения земледельцев.

Кроме того, в данной области науки большое внимание уделяется механизмам биологической адаптации человека к природным условиям, в первую очередь климатическим, а также демографическим характеристикам популяции как отражению социальных и природных условий жизни и эффективности производства пищи и других средств существования. Последнее, кстати говоря, означает, что в рамках экологической антропологии рассматриваются в том числе и некоторые из основных проблем той дисциплины, которую у нас обычно называют экологией человека.

Географическая по сути проблематика представлена в следующих частях и разделах спецкурса «Экологическая антропология».

Вводная часть посвящена вопросам историографии и методологии отдельных научных школ экологической антропологии и занимает чуть более одной трети данного спецкурса. В этом разделе, в частности, в трактовке Э. Морана рассматриваются история и методологические особенности первых научных парадигм о взаимоотношениях общества и природы – географического детерминизма и сменившего его географического поппобилизма, а также причины отказа от каждой из них и перехода к современной экосистемной парадигме [7: р. 28-42].

Почти две трети спецкурса посвящены разбору результатов конкретных эколого-антропологических исследований в различных частях мира, приводимых Э. Мораном [7: р. 123-316]. Каждый раз в начале новой темы достаточно детально рассматриваются

С. 117

природные условия освоенной данной группой людей местности, прежде всего климат, и используемые природные ресурсы в их сезонной динамике (промысловые животные и съедоб-

ные дикоросы у охотников-собираателей, почвы у земледельцев, пастбищная растительность у скотоводов). Не меньше внимания уделяется традиционной системе природопользования, с учётом сезонности хозяйственной деятельности и ведущих средовых рисков для хозяйства, способных иногда вызывать нехватку пищи. Обязательно рассматриваются потенциально возможные антропогенные экологические проблемы (перепромысел у охотников-собираателей, перевыпас у скотоводов, истощение естественного плодородия почв у земледельцев и, у подсечно-огневых земледельцев, – обезлесение) и способы их предотвращения, известные и реально практикуемые в обсуждаемых традиционных культурах.

Таким образом, получается серия кратких, но комплексных (в том числе физико- и экономико-географических) эссе об изучаемых сообществах и занятых ими территориях, их хозяйстве, культуре, экологических проблемах природного и антропогенного характера, с которыми сталкиваются эти люди. Тематически такой подход, кстати, вполне соотносится с мнением ведущего отечественного географа В.А. Пуляркина о том, что перспективы страноведения лежат именно в проблемно ориентированных исследованиях, фокусирующихся на вопросах «взаимодействия общества со средой обитания» [2: с. 67]. Только в данном случае мы имеем совсем другой территориальный масштаб, в котором рассматриваются указанные вопросы – локальный.

В рамках основного раздела спецкурса «Экологическая антропология» изучаются особенности функционирования экосистем, включающих следующие группы населения: эскимосы (инуиты) северной (арктической и субарктической) части Аляски – оседлые береговые охотники на морского зверя и неоседлые тундровые охотники на карибу; индейцы-кечуа в высокогорном департаменте Пуно в Андах (Перу) – оседлые земледельцы и скотоводы, бушмены (сан) территориальной группы Кунг – неоседлые охотники-собираатели тропических полупустынь и опустыненных

С. 118

саванн Калахари (Намибия); племена каримоджонг – пастушеские скотоводы и ручные земледельцы в саваннах субэкваториальной Восточной Африки (пограничье Кении и Уганды); индейцы-секоя во влажных экваториальных лесах Амазонии (восточный Эквадор) – подсечно-огневые ручные земледельцы и охотники-рыболовы. Каждая из этих экосистем разбирается в течение 1-3 занятий, частью имеющих характер семинара.

В дополнение к отмеченным выше различным аспектам анализа экосистем, включаю-

щих человеческие сообщества, также изучаются феномены «открытых экосистем» у береговых инуитов и кечуа. Их «открытость» означает жизненно важный для людей регулярный привнос биомассы с заключённой в ней энергией из-за пределов освоенной территории, обеспечиваемый природными процессами или устойчивыми социальными связями и обменом товарами. Пример первых – использование береговыми эскимосами эффекта сезонных миграций (вслед за границей морских льдов) ластоногих и китообразных, составляющих основу их рациона и главный источник топлива (жир). Пример вторых – регулярный и абсолютно необходимый для жизнеобеспечения жителей высокогорных ландшафтов Анд товарообмен с обитателями низележащих горных поясов: поставки последним из высокогорья изделий из шерсти и навоза для удобрения полей в обмен на листья коки и зерно кукурузы, выращиваемые лишь в средне- и низкогорных вертикальных поясах.

Наконец, знакомство с экологической антропологией по американскому университетскому учебнику позволяет наглядно показать студентам то большое влияние, которое некоторые направления отечественной географии оказали на мировую науку. Так, русские термины из сферы географии почв и почвоведения стали международными и используются, в том числе американскими эколого-антропологами, без каких-либо пояснений. Более того, Э. Моран не просто применяет без перевода слова «чернозём», «подзол», «серозём» и «солончак», но делает это для объяснения того, что именно обозначают отдельные понятия из относительно новой международной системы классификации почв – соответственно моллисоль, сподосоль, аридисоль [7: p. 73-74].

С. 119

Итак, спецкурс «Экологическая антропология» включает в себя довольно существенный объём собственно физико- и экономико-географических знаний, что повышает его значение для системы образования будущих магистров с базовой географической или, реже, биологической подготовкой.

Литература

1. Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология / В.И. Козлов, А.Н. Ямсков // Этнология в США и Канаде. Ред.: Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. – М.: Наука, 1989. – С. 86–107.
2. Пуляркин В.А. Научное страноведение: быть или не быть – нет вопроса / В.А. Пуляркин // Пуляркин В.А. Локальные цивилизации во времени и пространстве. – М.: изд. «Эслан», 2005. – С. 65-73.

3. Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология / А.Н. Ямсков // Антропологическая наука в высшей школе: Методические материалы к оригинальным авторским спецкурсам для специальности № 350100 – Социальная антропология. Отв. ред. О.Ю. Артёмова. – М.: ИЭА РАН–РГГУ, 2006. – С. 111-144.
4. Ямсков А.Н. Этноэкосистема: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии / А.Н. Ямсков // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 34. Ред.: Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьёва. – М.: Наука, 2009. – С. 130-142
5. Ellen R. Environment, Subsistence and System: The Ecology of Small-Scale Social Formations / R. Ellen. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 324 pp.
6. The Ecosystem Approach in Anthropology: From Concept to Practice. Ed. E. Moran. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1990. – 476 pp.
7. Moran E.F. Human Adaptability: An Introduction to Ecological Anthropology. 3rd ed. / E.F. Moran. – Boulder: Westview Press, 2008. – 473 pp.

С. 120